

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕУЛОВИМАЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Неуловимая

Аннотация

«Мне хочется рассказать, как я был болен и вылечился. Я так радуюсь тому, что вылечился, так часто думаю об этом счастье, что мне ужасно хочется рассказывать. Для этого я должен коснуться трех периодов моей жизни...»

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Зинаида Гиппиус

Неуловимая

I

Мне хочется рассказать, как я был болен и вылечился. Я так радуюсь тому, что вылечился, так часто думаю об этом счастье, что мне ужасно хочется рассказывать. Для этого я должен коснуться трех периодов моей жизни.

Иначе, как болезнью, я не могу назвать странный случай, который переломил надвое мою жизнь. По существу я здоров, нормален. Моя болезнь была несчастьем, я могу вспоминать об этом затмении только потому, что все минуло. Нет сомнения, что минуло. Но перейду к рассказу.

Я, собственно, никто. Никакого у меня всепоглощающего дела не было никогда. Я кончил университет, очень увлекался игрой на виолончели, поступил в консерваторию, но потом бросил. Я всегда был один, как перст; не помню ни отца, ни матери, ни родственников, ни друзей. Я привык к одиночеству, мне даже странно видеть человека, у которого есть, например, брат.

Надо заметить, что я немного хром и вообще некрасив. Несмотря на это или благодаря этому, я всегда чрезвычайно нравился женщинам. Я не любил ни одной, хотя был очень

влюбчив. Мне нравились и брюнетки, и блондинки, в каждой я умел находить только ей присущую привлекательность. У одной были премиленькие ушки, и это стоило того, чтобы поухаживать за ней и получить привязанность, от которой, если она меня утруждала, я очень ловко ускользал. У другой была тоненькая талия. В третьей меня очаровал голос – и я никак не мог устоять против голоса.

Были у меня и такие, в которых мне нравилась только их привязанность ко мне. Эту привязанность я – Боже сохрани – не охлаждал, я только не старался ее раздувать, оставлял, так сказать, про запас. Хотя я к одиночеству и привык, однако чрезвычайно дорожил любовью женщин и молодых девушек: это меня ласкало, нежило, баловало и вообще давало необходимый комфорт.

Но вот на сорок четвертом году моей жизни со мной случилось нечто, прервавшее мирное и удобное течение моих дней.

Однажды после Рождества столпились разные обстоятельства, заставившие меня подумать о временном отъезде из Петербурга. Дело в том, что я занимался теорией музыки с одной очень милой девочкой. Ей было лет четырнадцать или пятнадцать. Я знал ее давно, еще пятилетней. Помимо музыкальных уроков я развивал ее и в других направлениях. Семья была довольно безалаберная. Отец давно умер. Мать, не очень старая, но рано поблекшая, как все женщины южных стран (она была, кажется, испанская донья), целый день спа-

ла или грызла пряники, не обращая внимания на дочь. Девочка, которую звали Елена, росла дикой, одинокой, болезненной. Она была очень красива, вероятно похожа на мать в молодости. Бледная, с горящими, как у волка, безумными черными глазами и растрепанными черными волосами цвета ваксы. Она мне нравилась, как хорошенький дикий зверек. Но, чтобы не затягивать рассказа, скажу прямо, что эта милая девочка влюбилась в меня со всей испанской пылкостью. Я даже и не ожидал такой стремительности, с моей стороны не было ни малейшего к тому повода, простые пожатия рук, сильные и частые, правда, но разве этого достаточно? Несколько томных слов... и пожар вспыхнул! Признаюсь, несмотря на удовольствие от сознания, что я опять и опять любим, я был смущен. Такая кастильянка! Я даже чувствовал некоторый страх. Она в случае, если бы я ей не угодил, могла наделать бед, выстрелить в меня, например... Жениться на ней у меня ни малейшей охоты не было. Решительно отдалиться, потерять навсегда привязанность милого существа мне тоже не хотелось. Зачем? Да я не обладаю столь сильным характером, чтобы разорвать грубо зарождающиеся отношения. И я решил пока уехать под каким-нибудь предлогом... Она мне будет писать, я могу даже продолжать ее развитие в моих письмах... А потом все постепенно образуется.

И я покинул мою пылкую Леночку. Она бледнела, теряла сознание, говорила сдавленным голосом отрывочные речи,

обращала на меня свои темные, горящие глаза – несколько раз я боялся, что выйдет история, особенно при матери. Но мама апатично ела пряники и, намеренно или ненамеренно, ничего не замечала. Несколько раз я сам колебался: уезжать ли? Вдруг Леночка погаснет так же скоро, как вспыхнула? А ведь девочка она преинтересная... но потом, вспоминая, что очень будет хорошо теперь очутиться у Неаполитанского залива, решил: пусть Леночка останется про запас. Если явится особенный каприз, вкус к любви – ну, можно и Леночку. А пока – прогуляемся.

Я поступил чрезвычайно честно тогда. Между нами ничего не было, кроме одного случайного поцелуя, да и тот вышел не по моей вине. Она подстерегала меня на лестнице в темноте и бросилась ко мне на шею. Не разыгрывать же мне прекрасного Иосифа!

На словах я тоже ей много не обещал. Сказал, что приеду и что вообще может быть хорошо. Вот и все.

И я уехал. Подъезжая к Варшаве, я уже мало думал о Леночке, а в Вене совершенно ее забыл. Ужасно она забвенная. Не видишь этих глаз огромных перед собою и бледного, как мел, лица – и сразу все забываешь.

Из Вены я поехал в Рим, но там оказалось холодно – и я спустился в Неаполь. Шум этого города сразу расстроил мне нервы. И я решил поселиться где-нибудь потише, поскромнее, тем более, что денег у меня было немного.

II

В Сорренто, в маленьком отеле над обрывом, где за обедом подавали апельсины с ветками и грустные англичанки безмолвно кивали длинными зубами, мне сразу показалось уютно и хорошо. Днем я читал у себя в комнате или в чайной reading-room¹, выходявшей прямо в садик, после обеда, полюбовавшись на залив и темные огни Везувия, шел бродить по городу, заходил в маленькие кафе, пил ликер или замороженную воду и прислушивался к чужому говору и людским шагам в глубине темных, совсем черных улиц.

Наступала настоящая весна. За высокими каменными оградами уже тяжело и душно пахли апельсиновые цветы.

Один раз я сидел так у входа в небольшое кафе за столиком. Передо мной стояла широкая рюмка с кусочками льда. Я задумался о чем-то и не заметил, как из темноты вышли двое людей, остановились, точно раздумывая, и наконец сели за другой столик, передо мной.

К подошедшему лакею они обратились по-итальянски и спросили, кажется, кофе.

Лакей ушел, а я от нечего делать принялся рассматривать своих соседей.

Это были мужчина и дама.

¹ Читальня (англ.).

Мужчину я не мог разглядеть, он сидел ко мне спиной, по тому же, как он держался и ходил, я заключил, что он не молод, и далеко не молод. Зато дама сидела прямо передо мной, я видел и лицо ее, и серую шляпку с полями, и завитки совсем белых, бледных волос на лбу.

Это была даже не дама – а девочка, лет пятнадцати, не больше. Лицо длинное, бледное, как бумага, болезненное, не очень красивое, капризное и такое непонятно-привлекательное для меня, что я как остановил взор, так и не мог отвести его, и все смотрел на измученные и злые черты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.